

Владимир Василенко

Автографы Циприана Норвида : на материале советских рукописных фондов

Studia Rossica Posnaniensia 25, 3-11

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АВТОГРАФЫ ЦИПРИАНА НОРВИДА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВЕТСКИХ РУКОПИСНЫХ ФОНДОВ)

AUTOGRAPHERIES OF CYPRIAN NORWID (COLLECTION OF HAND WRITTEN WORKS IN THE SOVIET UNION)

ВЛАДИМИР ВАСИЛЕНКО

ABSTRACT. The aim of this article is the systematization and brief review of the manuscript found in the Soviet Union, of the great Polish writer Cyprian Norwid.

Владимир Василенко, Харьковский университет, Кафедра истории зарубежной литературы, пл. Дзержинского 4, Харьков, Украина.

Норвид – поэт трудной творческой судьбы, вокруг имени которого идут оживленные споры, вызывает к себе немалый интерес. Самобытные, пронизанные интеллектуально-философской доминантой искания автора оставили современников почти что равнодушными, но с тем большим резонансом отозвались в художественном сознании нашего века – „века его полного триумфа”¹, оценившего его по достоинству и возведшего в ранг подлинных литературных гениев.

Посмертная известность, а затем и слава Норвида начали зарождаться в эпоху Молодой Польши, времени господства весьма пестрого по своим программам и неоднозначного по эстетическим свершениям декадентско-модернистского течения рубежа XIX-XX ст., типологически довольно близкого постромантическим символистским художественным системам Франции и России. Из небытия норвидовское имя вернул З. Пшесмыцкий (Мириам)², известный искусствовед и издатель элитарного журнала „Химера”. В первой трети века

¹ М. Piechal, *Wiek Norwida*, „Poezja” 1971, № 1, с. 69.

² См.: Z. Przesmycki, *Z notat i dokumentów o C. Norwidzie*, „Chimera” 1904, t. VII, с. 419-453.

о „воскрешенном” поэте активно писали А. Креховецкий³, Ц. Еллента⁴, С. Бжозовский⁵, И. Фик⁶, З. Шмидт⁷, С. Колончковский⁸, Ч. Лятавец⁹ и другие ученые.

Однако настоящий ренессанс норвидовского творчества начался лишь в послевоенное время, когда ряд обстоятельных работ о нем появился не только в Польше¹⁰, но также в СССР¹¹, Швейцарии¹², Англии¹³, Канаде¹⁴, США¹⁵, Франции¹⁶. Тогда же исподволь начала суммироваться в достигнутых объединенными усилиями результатах большая поисковая работа, связанная с выявлением и обнаружением распорошенных по всему свету во время пожизненных скитаний писателя его рукописей, всю сложность которой, равно как и значимость, трудно сколь-либо переоценить. „Дошедшее до нас творческое наследие Норвида – своего рода руины – отмечает советский исследователь.

³ А. Крехowiecki, *O Cyprianie Norwidzie. Próba charakterystyki. Przyczynki do obrazu życia i prac poety na podstawie źródeł rękopiśmiennych*, t. 1-2, Lwów 1909.

⁴ С. Jellenta, *Cyprian Norwid. Szkic syntezy*, Stanisławów–Warszawa (druk Kraków) 1909.

⁵ S. Brzozowski, *Legenda Młodej Polski. Studia o strukturze duszy kulturalnej*, Lwów 1910.

⁶ I. Fik, *Uwagi nad językiem Cypriana Norwida*, Kraków 1930.

⁷ Z. Szmydtowa, *O misteriach Cypriana Norwida*, Warszawa 1932.

⁸ S. Kołaczkowski, *Ironia Norwida*. W: tenże, *Dwa studia. Fredro–Norwid*, Warszawa 1932.

⁹ Cz. Latawiec, *Cyprian Kamil Norwid i jego czasy*, Poznań 1938.

¹⁰ См. например: Н. Malewska, *Żniwo na sierpce. Powieść o Norwidzie*, Poznań 1947; I. Sławińska, *O komediach Norwida*, Lublin 1953; W. Borowy, *O Norwidzie. Rozprawy i notki*, Warszawa 1960; M. Jastrun, *Gwiazdzisty diament*, Warszawa 1971; Z. Łapiński, *Norwid*, Kraków 1971; M. Piechal, *Mit Pigmaliona. Rzecz o Norwidzie*, Warszawa 1974; J. Trznadel, *Czytanie Norwida. Próby*, Warszawa 1978; E. Kasperski, *Świat wartości Norwida*, Warszawa 1981; A. Merdas, *Łuk przymierza. Biblia w poezji Norwida*, Lublin 1983; K. Świontek, *Norwidowski teatr świata*, Łódź 1983; S. Sawicki, *Norwidowa walka z formą*, Warszawa 1986; Z. Trojanowiczowa, *Cypriana Norwida mesjanizm sztuki: czyli o poszukiwaniu wszech-doskonałości*, Poznań 1987; M. Inglot, *Wyobraźnia poetycka Norwida*, Warszawa 1988; T. Łubieński, *Norwid wraca do Paryża*, Kraków 1989.

¹¹ А.В. Липатов, *Циприан Камиль Норвид*. В: История польской литературы, т. I, Москва 1968, с. 418-449; М. Поляков, *Лирика Норвида*. В: его же, *Цена пророчества и бунта. О поэзии XIX века. Проблемы поэтики и истории*, Москва 1971, с. 528-555; М. Бажан, *Поэт высоких сягань и глубоких суперечностей*, „Весвіт” 1971, №9, с. 79-82; Г. Кочур, *Норвид*, „Жовтень” 1971, №12, с. 125-131; Д.С. Прокофьева, *История одного эмигранта*. В: ее же, *Струн вещей пламенные звуки...*, Москва 1990, с. 56-61.

¹² J.T. Dybowski, *Cyprian Kamil Norwid als christlicher Kulturphilosoph der polnischen Romantik*, Bern 1943.

¹³ *Norwid żywy. Księga zbiorowa*, Londyn 1962; A. Lisiecka, *Norwid – poeta historii*, Londyn 1973.

¹⁴ T.F. Domaradzki, *Le symbolisme et l'universalisme de Cyprian Kamil Norwid. L'homme le langage et l'art*, Quebec 1974.

¹⁵ G. Gõmõri, *Cyprian Norwid*, New York 1974.

¹⁶ E. Marek, *Cyprian Kamil Norwid. Życie i twórczość*, Lille 1980.

– В значительной степени – это обрывки, фрагменты, незаконченные вещи. Многие пропало, многое исчезло, уничтоженное людьми и временем”¹⁷. Благодаря стараниям Ю.В. Гомулицкого, неутомимого популяризатора Норвида, рукописи разыскивались во многих странах Европы и даже по ту сторону Атлантического океана, что содействовало постоянному пополнению издававшихся под его редакцией *Собрания сочинений*¹⁸, *Избранных сочинений*¹⁹ и *Полного собрания сочинений*²⁰ (последнее название более чем условное) польского литератора.

Часть таких материалов обнаружилась в нашей стране и стала достоянием читательской аудитории. Но ни описания их автономно значимой источниковедческой данности, ни попытки дать хоть какую-то систематизацию групп этих текстов так и не были предприняты; более того, – вынесенная в заглавие настоящей статьи проблема оказалась как бы растворенной в обширном массиве норвидологических материалов и вследствие этого даже не обозначенной. Вместе с тем ее рассмотрение позволяет приблизиться к решению триединой задачи: а) пролить свет на малоизвестные подробности польско-восточнославянских литературных связей XIX в., б) содействовать актуальному учету и осмыслению вариантов норвидовских рукописных текстов, изучению истории их бытования и пр., в) с большей определенностью наметить пути дальнейших поисков неизвестных доселе автографов писателя.

Как свидетельствует общий характер выявленных у нас текстов Норвида, известный на сегодняшний день их массив подавляюще группируется по одному и тому же принципу: все они сохранились в ведении его друзей или же знакомых, кому в свое время были им адресованы или просто подарены. Поскольку же „круг знакомств писателя поражает своей широтой”²¹, то не менее широкой оказалась и география их теперешнего местонахождения, это – Киев, Львов, Вильнюс, Москва.

Пять писем Норвида, его автобиографические заметки и одно стихотворение (всего семь единиц хранения) находятся в фондах отдела рукописей ЦНБ им. В.И. Вернадского АН Украины²². Их непосредственным адресатом был тоже писатель, ученый-ориенталист и общественный деятель Владислав Ходзькевич (1820-1896). Крайние даты упомянутых автографов 1857-1880 гг. Что касается писем, то они малоинтересны за

¹⁷ А.В. Липатов, указ. соч., с. 426.

¹⁸ С. Norwid, *Dziela zebrane*, t. I-II, Warszawa 1966.

¹⁹ С. Norwid, *Pisma wybrane*, t. I-IV, Warszawa 1968.

²⁰ С. Norwid, *Pisma wszystkie*, t. I-XI, Warszawa 1973-1976.

²¹ Н. Malewska, указ. соч., с. 97.

²² ЦНБ АН Украины, отдел рукописей, фонд XXIV, ед.хр. 1468-1472 и два приложения к ним (лл. 11-13 об.).

исключением одного, датируемого 26 февраля²³ 1875 г., где Норвид, ссылаясь на статью о себе в *Энциклопедическом словаре XIX в.* Лярусса (Париж 1874), перепечатанную из словаря Брокгауза, пишет: „...я не эмигрант без политической причины – узником государства был еще в юношеские годы”²⁴; „...я ни французский служащий, ни капиталист – живу с труда не очень доходного и потому время у меня на самом строгом учете”²⁵.

В составе данной группы норвидовских рукописных текстов привлекает внимание автограф небольшого юмористического стихотворения *La religion de mr le sénateur comte Victor Huho* („Религия г. сенатора графа Виктора Гюго”)²⁶, непосредственным поводом возникновения которого послужила публикация философской поэмы В. Гюго *Религия и религиозность* (1880), то есть перед нами любопытный образчик характерной для романтизма так называемой „поэзии поэзии”, когда исходным импульсом литературного замысла служит литература же.

Норвид разослал стихотворение в несколько отличавшихся друг от друга вариантах помимо В. Ходзькевича еще Ю.Б. Залесскому и С. Духинской²⁷. Впервые оно было опубликовано в „Блюще” от 29 сентября 1880 г., затем вошло в издания произведений автора. При подготовке норвидовского *Полного собрания сочинений* Ю.В. Гомулицкий обратился к Николаю Бажану, который живо интересовался поэтом, перевел подборку его произведений и написал предисловие к вышедшему на Украине сборнику его лирики²⁸. Известный украинский литератор содействовал отправке в Варшаву микрофильма норвидовских автографов из фонда ЦНБ АН Украины. Однако в источниковедческих примечаниях к данному стихотворению Гомулицкий высказывается о его оригинале лишь гипотетически: „...автограф, правдоподобно, находится в собрании Библиотеки украинской Академии наук”²⁹.

Еще одна группа рукописных текстов Норвида хранится в Отделе рукописей Львовской научной библиотеки им. В. Стефаника АН Украины. Они дошли к нам в составе архива семейства Павликовских, основанного еще в 30-е годы XIX века деятелем польской культуры Гвальбертом Павликовским³⁰ и впоследствии перешедшего к его внуку Мечиславу (1834 - 1903)³¹.

²³ Месяц и день установлены Ю.В. Гомулицким.

²⁴ ЦНБ АН Украины, отдел рукописей, фонд XXIV, ед.хр. 1472, л. 12 об.

²⁵ Там же, л. 13.

²⁶ Там же, ед. хр. 1470.

²⁷ См.: С. Norwid, *Dziela zebrane*, t. II, Dodatek krytyczny, с. 963.

²⁸ М. Бажан, *Злигодні, гідність і велич поета*. В: Ц.Норвід, *Поетії*, Київ 1971, с. 5 - 22.

²⁹ С. Norwid, *Pisma wszystkie*, t. II, *Metryki i objaśnienia*, с. 407.

³⁰ См.: *Katalog rękopisów Biblioteki im. Gwalberta Pawlikowskiego, nadbitka z „Rocznika Zakładu Narodowego im. Ossolińskich” 1938.*

³¹ Его знакомство с Норвидом началось в 1855 г., когда он прибыл в Париж с целью поисков экспонатов для фамильного собрания.

Это самое большое собрание рукописей польского автора из тех, что хранятся у нас³². В него вошли: 18 писем (записок) Норвида к Павликовскому, два драматургических отрывка (начало неоконченного оригинального произведения *Театр без театра* и набросок собственного перевода *Гамлета* Шекспира – на польский переведена вторая сцена первого акта – с дарственной надписью: „Переводил с оригинала [в] 1855 году, сколько здесь есть дарю г. Павликовскому. Норвид”³³), а также ряд стихотворений – *Бунтари, или партия-переворота, О да, все что есть..., Обычай, Разве эта птица марает гнездо...?, К врагам – (песня), Дух Адама и скандал, К Мечи-Славу, Fiat i vivat* и две небольшие рецензии.

Некоторые перечисленные автографы имеют весьма интересную творческую судьбу. Так, стихотворение-реквием *Дух Адама и скандал* написано по самым свежим следам, о чем ясно свидетельствует авторское примечание к нему: „Писал после возвращения с похорон Адама Мицкевича. 1856. В Париже”³⁴. Поводом к его возникновению послужила произошедшая во время отпевания Мицкевича в соборе Св. Магдалены скандальная стычка между эмигрантом Ф. Язвинским и генералом В. Замойским, которая вызвала горестные медитации поэта по поводу раздоров польской общественности. Впервые стихотворение было опубликовано в 1907 г.³⁵

А два стихотворения – *Бунтари, или партия переворота* и *К врагу – (песня)* – породил к жизни взрыв январского восстания 1863 года, оставившего приметнейший след в творчестве Норвида³⁶. Написанные по горячим следам, в феврале они уже были посланы Павликовскому во Львов. В первом он протестует против утверждений властей России о том, что якобы имеет место всего лишь бунт небольшой группы заговорщиков „партии переворота”. Во втором, гневной инвективе, напрямую обращается к самодержавию, по словам Б.Ф. Стахеева, делая „различие между исполнителями царской воли, залившими Польшу кровью и русскими („все, кто люди”), способными откликнуться на свободолобивный призыв”³⁷. Оба стихотворения увидели свет летом 1863 г.³⁸

Недолгим пребыванием в Англии объясняется стремление польского писателя перевести *Гамлета* (отметим, что в его творческом активе есть

³² ЛНБ АН Украины, отдел рукописей, фонд 76, оп. 2, ед. хр. 571. (Все вошедшие сюда норвидовские материалы хранятся как одно дело под единым номером. Сотрудниками библиотеки нумерация листов недавно была пересмотрена и обновлена).

³³ Там же, л. 31.

³⁴ Там же, л. 34.

³⁵ „Pamiętnik Literacki” 1907, z. VI, с. 105.

³⁶ См.: Z. Stefanowska, *Norwida spór o powstaniu*. W: *Dziedzictwo literackie powstania styczniowego*, Warszawa 1964, с. 618-89.

³⁷ Б.Ф. Стахеев, *Комментарии*. В: Ц. Норвид, *Стихотворения*, Москва 1972, с. 159.

³⁸ „Dziennik Literacki” 1863, 13 lipca.

и попытка осуществить перевод *Юлия Цезаря*). Вообще Шекспир серьезно привлекал внимание Норвида³⁹, стремящегося проникнуть в глубины мировидения корифея европейского театра⁴⁰. Насколько удачным было это обращение может свидетельствовать хотя бы оценка Мариана Пехалья, пишущего „перевод Норвида следует признать первой у нас художественно успешной попыткой перевода *Гамлета* с оригинала...”⁴¹

Упомянутые, равно как и другие, рукописные материалы Норвида представляют существенный интерес и в плане текстологии. Во-первых, по причине сложной и во многом запутанной в своей произвольности индивидуальной манеры использования разделительных знаков, написания отдельных слов или даже словосочетаний (с целью демонстрации их этимологии, „внутренней формы”, они разделяются поэтом на составные части или, наоборот, объединяются в весьма необычных контаминациях), употребления всевозможных графических приемов (подчеркивание, разрядка, курсив, употребление исключительно прописных букв и т.п.), выделения особо важных мест художественного целого, что вовсе непросто передать типографическим способом, а потому необходима тщательная сверка буквально каждого знака. Во-вторых, редактор и издатель сочинений Норвида Ю.В. Гомулицкий при использовании тех, что хранятся у нас, обычно опирался на их копии, а это в отдельных случаях серьезно осложняло их верное прочтение и воспроизведение. Не ставя своей целью сколь-либо подробного текстологического сопоставления академического текста *Полного собрания сочинений* с оригиналами рукописей, все же попутно отметим наличие тех различий, которые заметнее всего бросаются в глаза. Скажем, упомянутое стихотворение *К врагу – (песня)* имеет в книжном издании не только видоизмененное написание заглавия – в данном случае слово „песня” опущено во вторую строчку и несет функцию жанрового уточнения, хотя, по-видимому, поэт вкладывал в него более широкий смысл, но при публикации „потерялись указание на место возникновения стихотворения *Варшава* (авторское примечание, сделанное карандашом) и проставленные поэтом свои инициалы. А стихотворение *Разве эта птица марает гнездо...?* содержит в оригинале запись „XIX веку. 1856”, размещение и форма (прописные буквы) которой дают основания полагать ее возможным вариантом заглавия или эпитафией этого

³⁹ Несколько ниже пишем об инспирированном творчестве Шекспира лирическом стихотворении *В Вероне*.

⁴⁰ О путях и формах рецепции *Гамлета* литературой Польши повествует Я. Тшнадель, подробно останавливаясь на Норвиде. См.: J. Trznadel, *Polski Hamlet*, Warszawa 1989, с. 75-96.

⁴¹ М. Piechal, *Mit Pigmaliona...*, с. 106.

произведения. Нельзя обойти вниманием и пометку „аппендикс” (т.е. окончание), предшествующую тексту стихотворения *Fiat i vivat*, которое, может быть, мыслилось и создавалось поэтом как окончание какого-то большого произведения или же лирического цикла, или же предназначалось для включения в структуру основного сборника *Va-de-tescum*, ведь из ста задуманных для него стихов четырнадцать так до сих пор и не установлены, а восемь сохранились лишь во фрагментарном виде. Словом, здесь есть над чем поработать.

Несколько автографов польского автора имеется в фондах Центральной научной библиотеки Академии наук Литвы. Это тексты таких стихотворений, как *В Вероне* и *Что ей сказать...?*⁴², а также сравнительно недавно обнаруженного исследователями юношеского произведения *Прощание* (1842)⁴³, написанного в духе байроновских *Стансов* во время отъезда поэта за границу, откуда на родину он уже не вернулся. О художественной, не говоря уже о текстологической, важности данных литературных памятников свидетельствует хотя бы написанное во время пребывания в Италии, представляющее собой „наиболее известное и популярное произведение Норвида”⁴⁴ стихотворение *В Вероне*, которое бытовало при жизни автора и под несколько другим заглавием *Над могилой Джульетты Капулетти в Вероне*⁴⁵. Что касается *Прощания*, то его оригинал был найден Мечиславом Инглотом среди бумаг архива издававшегося в Вильнюсе Крашевским с 1841 по 1851 год журнала „Атенеум”. Описание рукописи дано Евой Войтыло в одном из последних выпусков специального сборника *Норвидовские исследования*⁴⁶.

Научная библиотека Вильнюса располагает также автографами писем Норвида к соплеменнице-журналистке Зофье Венгерской (1882-1869) (одно письмо)⁴⁷ и польскому библиофилу с Литвы Яну Шванскому (? - 1909) (четыре письма)⁴⁸, открытых Станиславом Цивинским.

Придерживаясь достаточно отчетливо связанных между собой принципов географии местонахождения и национальности непосредственных адресатов рукописных текстов Норвида, по аналогии с украинскими и литовскими их источниками в особую группу можно выделить „русские” материалы.

⁴² ЦНБ АН Литвы, отдел рукописей, фонд 1947, ед. хр. 47, л. 2-2 об.

⁴³ Там же, фонд 9, ед. хр. 1417, л. 39-40.

⁴⁴ *Cypriana Norwida kształt prawdy i miłości. Analizy i interpretacje*, praca zb. pod red. S. Makowskiego, Warszawa 1984, с. 23.

⁴⁵ Впервые опубликовано: *Pokłosie. Zbieranka literacka na korzyść sierot*, Poznań [1855], с. 78.

⁴⁶ E. Wojtyła, *Odznaleziony rękopis „Pożegnania” Cypriana Norwida*, „Studia Norwidiana” 1987-1988, № 5-6, с. 161-174.

⁴⁷ ЦНБ АН Литвы, отдел рукописей, фонд 17, ед. хр. 387, л. 55.

⁴⁸ Там же, фонд 8, ед. хр. 191, лл. 45-51 об.

В биографии Норвида был период 1849-1852 гг., когда он при посредничестве секретаря мицкевичовской „Трибуны народов” Эдмунда Хоецкого познакомился в Париже с семейством Гервегов, а через них – с А.И. Герценом, П.Л. Лавровым, возможно, хотя это только предположение, и с М.А. Бакуниным. Имеются косвенные данные о его знакомстве с И.С. Тургеневым. Однако история взаимоотношений с этими людьми – один из наиболее интригующих эпизодов жизненного пути Норвида – во многом все еще „белое пятно”, поскольку фактографически подтверждена несколькими его письмами к двум из них, а их ответы (как и другие документы, замыкающиеся на эти связи) выявить пока так и не удалось.

Историки польской литературы располагают одним письмом поэта к А.И. Герцену, которое было отправлено им из Нью-Йорка в Лондон осенью 1853 г.⁴⁹ Находясь в критической жизненной ситуации, он пишет: „Вот и зародилась у меня мысль обратиться к вам, русскому (...) за помощью, если бы это было возможно, перебраться отсюда в Англию, где я смог бы расправить крылья. Вы обладаете более широкими, чем я, связями, ведь я до некоторой степени ваш единомышленник – впрочем я прошу лишь о том, чтобы вы не забыли этого крика души искреннего, верного друга свободы и поляка”⁵⁰. Остается только надеяться, что ответ Герцена рано или поздно отыщется, и мы сможем узнать историю взаимоотношений между этими людьми не в урезанно фрагментарном виде, которая, кто знает?, возможно откроет какие-то новые штрихи в их биографиях.

Аналогичная неясность царит и вокруг переписки Норвида с теоретиком русского революционного народничества П.Л. Лавровым (1823-1900), выявленной историком Е.К. Жигуновым в московском Центральном государственном архиве Октябрьской революции⁵¹, впоследствии приведенной и описанной польским ученым Е.В. Борейшей⁵².

Сохранившиеся четыре письма Норвида к Лаврову, датируемые 70-ми – началом 80-х гг., свидетельствуют, что эти люди не только довольно близко знали друг друга, но и поддерживали долгую связь. В первом письме (1870 ?) писатель рекомендует Лаврову парижскую Библиотеку польской школы; во втором от 1873 г. благодарит за присланную какую-то книгу Лаврова с дарственной надписью „верящему поляку от

⁴⁹ Впервые опубликовано: C. Norwid, *Pisma do dziś odszukane*, t. 8, cz. I, Warszawa 1937, с. 149-53.

⁵⁰ Цит. по: Р. Сливовский, *Герцен глазами поляков*. В: Проблемы изучения Герцена, Москва 1963, с. 371. Автор приводит текст письма в своем переложении.

⁵¹ ЦГАОР, фонд 1762, оп. 4, ед. хр. 334.

⁵² J.W. Borejsza, *Cyprian Kamil Norwid i „General Dynamit”*, „Polityka” 1968, 26 czerwca; także, *Cyprian Kamil Norwid i Piotr Ławrowicz Ławrow*, „Slavia Orientalis” 1969, №1, с. 2-23.

неверящего русского”⁵³; в четвертом же, помеченном февралем 1882 г., выражает горечь и недоумение по поводу известия о высылке из Франции П. Лаврова и В. Засулич как зарубежных представителей „Народной воли”. „В свете писем Норвида к Лаврову – замечает Е.В. Борейша – несомненными предстают его симпатии к „русским нигилистам”⁵⁴.

В плане поисков рукописных материалов Норвида перспективными видятся два направления. Первое из них подсказано происхождением уже выявленных эмпирических источников – это разыскания, непосредственной привязкой которых может послужить круг лиц, так или иначе контактировавших с польскими авторами и в то же время своим ли происхождением, родственными ли связями, местопроживанием ли, работой ли или же другим каким-то образом имевших отношение к жизни стран восточнославянского региона, где и могли осесть их бумаги. В этом списке оказываются М. Калергис (Нессельроде), С. Гошинский, Ю.Б. Залесский, Т. Ленартович, Любомирские, Потоцкие, Ю.И. Крашевский, С. Галензовский, Ю. Орловский, В. Ходзькевич, М. Павликовский, М. Дзеконская, Г. Морачевский, Г. Дзедушицкая, а также А.И. Герцен, П.Л. Лавров, И.С. Тургенев, М.А. Бакунин и ряд других имен. Приведенный выше материал вселяет уверенность, что проработка в данном направлении может принести определенные плоды, ведь оно далеко не исчерпано и тут могут быть любые неожиданности.

Что касается второго пути, то он носит, так сказать, институциональный характер: поиск здесь ориентируется на государственно-общественные структуры, точнее – учреждения, департаменты, службы, по роду своей деятельности проявившие интерес к особе Норвида и зафиксировавшие свое внимание в предписанном им делопроизводстве. Это направление не менее многообещающее, поскольку его разработка только начата. Имеем в виду известное биографам Норвида событие – заключение писателя царскими властями за передачу паспорта другому лицу, впоследствии оказавшемуся дезертиром⁵⁵. Думается, что тщательные разыскания в архиве Историко-дипломатического управления МИД России позволят выйти на новые документы и тем самым дадут возможность детализировать один из самых неясных этапов жизненного пути Норвида.

Пока существует надежда – длятся поиски. Реальность последних в свою очередь является залогом того, что рано или поздно будут найдены иные фрагменты норвидовского наследия, выдержавшего испытание временем и вошедшего в нашу действительность составной частью сообца добываемого опыта.

⁵³ Цит. по: J.W. Borejsza, *Cyprian Kamil Norwid i Piotr Ławrowicz Ławrow*, с. 15.

⁵⁴ Там же, с. 22.

⁵⁵ Z. Muszyńska, *Norwid w więzieniu berlińskim*, „Pamiętnik Literacki” 1961, z. 1, с. 195-214.